

Сведения об авторе

Ваткова Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент,
Профессиональная гимназия по механоэлектротехнике (5803, Болгария, Плевен, ул. Св. Климент Охридски, 25)

Information about author

Vatkova A. Olga, PhD, Associate Professor, Vocational school for mechanical and electrical engineering (25, st. St. Kliment Ohridski, Pleven, 5803 Bulgaria)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	18.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	18.01.2025
Принята к публикации / Accepted for publication	20.01.2025

Научная статья / Article

УДК 81-33

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-50>

**Литературный нонсенс как основополагающий принцип
логоцентрического моделирования синтетической
языковой личности**

Сергей Зуфарович Иткулов

Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет,
Иваново, Россия, italian.sergey79@mail.ru

Аннотация. В статье дается анализ литературного нонсенса с учетом различных положений, высказываемых исследователями, поскольку культура нонсенса представляет собой интересное и малоизученное явление. Однако в исследовательской литературе практически не изучен вопрос о нонсенсе как специфической категории человеческого сознания. Целью данного исследования является рассмотрение типологии «нонсенсного» сознания в контексте формирования и освоения когнитивно-прагматической программы моделирования синтетической языковой личности. Используется компаративистский подход в сравнении культурно-эстетических концептов с целью выявления в них неких общих, универсальных принципов, положений и установок, а также с целью нахождения различий. Высказано мнение о том, что литературный нонсенс, равно как и литературный абсурд, представляет собой самостоятельную категорию человеческого мышления, являющегося проявлением когнитивной функции челове-

ского сознания. Вследствие этого литературный нонсенс становится базовой основой логоцентрической модели синтетической языковой личности, направленной на создание когнитивно-прагматических программ по переработке того, что сформировалось в культурном пространстве. Высказывается точка зрения, что в литературном нонсенсе отчётливо проявляются нестабильность целенаправленного когнитивного прагматизма и возникновение «когнитивных блоков», вследствие чего эффективным методом когнитивного анализа в литературном нонсенсе является категория безумия. Выдвинута гипотеза о том, что в литературном нонсенсе можно выделить два типа разупорядочивания реальности: участие сил, создающих беспорядок, в непрерывной игре без конца и разупорядочивание субъективного сознания и объективной реальности. Вследствие этого безумие в литературном нонсенсе должно быть управляемым, так как попытки столкнуть смысл и бессмыслицу приводят к возникновению в сознании субъекта-логоцентрика «когнитивного блока». В результате иррациональная среда может поглотить сознательное творчество. Делается вывод, что литературный нонсенс является иносмыслом, «игра» в который не должна продолжаться слишком долго, так как в противном случае в пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит потеря и распад когнитивного центра.

Результаты данной работы могут быть использованы в рамках литературоведческих, культурологических, социокогнитивных исследований, посвященных изучению литературного нонсенса.

Ключевые слова: нонсенс, субъект-логоцентрик, когнитивно-прагматическая программа, безумие, когнитивный блок

Для цитирования: Иткулов С. З. Литературный нонсенс как основополагающий принцип логоцентрического моделирования синтетической языковой личности // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 50–62. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-50>

Literary Nonsense as a Fundamental Principle of Logocentric Modeling of a Synthetic Linguistic Personality

Sergey Z. Itkulov

Verkhnevolzhsk State University of Agronomy and Biothechnology,
Ivanovo, Russia, italian.sergey79@mail.ru

Abstract. The article provides an analysis of literary nonsense in relation to the linguistic norm, taking into account various propositions expressed by nonsense researchers. A comparative approach is used in comparing cultural and aesthetic concepts in order to identify some common, universal principles, positions

and attitudes in them, as well as to find differences. The opinion is expressed that literary nonsense, like literary absurdity, is an independent category of human thinking, which is a manifestation of the cognitive function of human consciousness, as a result of which it becomes the basic basis of a logocentric model of a synthetic linguistic personality aimed at creating cognitive-pragmatic programs aimed at processing what has been formed in the cultural space. But, due to the fact that the goal chosen by the logocentric subject may be unstable at any stage of modeling a cognitive-pragmatic program, a certain "cognitive block" forms in the mind of the logocentric subject, forcing them to return to resolving contradictions again and again. The point of view is expressed that the instability of purposeful cognitive pragmatism and the emergence of "cognitive blocks" are clearly manifested in literary nonsense, as a result of which the category of insanity is an effective method of cognitive analysis in literary nonsense. A hypothesis has been put forward that in literary nonsense two examples of the disordering of reality can be distinguished: the participation of forces creating disorder in a continuous game without end and the disordering of subjective consciousness and objective reality, as a result of which madness in literary nonsense must be controlled, since attempts to collide meaning and nonsense again lead to the emergence in consciousness the subject is a logocentric "cognitive block", as a result of which an irrational environment can absorb conscious creativity. It is concluded that literary nonsense is a foreign meaning, the "game" of which should not last too long, since otherwise the loss and disintegration of the cognitive center occurs in the space of the cognitive consciousness of the logocentric subject.

The results of this work can be used in the framework of literary, cultural, sociocognitive studies devoted to the study of literary nonsense.

Keywords: *nonsense, logocentric subject, cognitive-pragmatic program, madness, cognitive block*

For citation: Itkulov S. Z. Literary Nonsense as a Fundamental Principle of Logocentric Modeling of a Synthetic Linguistic Personality. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 50–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-50>

Введение. Литературный нонсенс — одно из наиболее изучаемых в последнее время явлений, вызывающее немало вопросов. В связи с этим интересно рассмотреть литературный нонсенс в контексте программы моделирования синтетической языковой личности на основе когнитивного взаимодействия двух субъектов — субъекта-источника и субъекта-интерпретатора. Научная новизна исследования состоит в когнитивно-ментальном подходе к анализу литературного нонсенса.

Методы исследования. Для успешной реализации данных задач используется компаративистский подход в сравнении культурно-эстетических концептов с целью выявления в них неких общих, универсальных принципов и установок, а также с целью нахождения различий. Разнообразие исходного материала обуславливает применение герменевтической методологии с целью рассмотрения литературного нонсенса с позиций субъективной индивидуальности интерпретатора и объективности культурного контекста.

Основная часть. Исследователи справедливо отмечают, что наиболее острым является вопрос о знаке равенства между нонсенсом и абсурдом. В. Тиггс указывает, что цель абсурда — показать разницу между чисто человеческими ценностями и ценностями чисто логическими, так как противоречие между человеческой системой убеждений, лишенной логики, и крайней логикой, возникающей в результате человеческих неудач, абсурдно. Исследователь делает вывод, что абсурд — это игра между порядком и беспорядком, а нонсенс — это игра, в которой есть только порядок [1, с. 129] И. Ширяева считает, что абсурдистскую литературу можно интерпретировать как систему внутри системы, в то время как литературный нонсенс — это система, направленная против системы. Исследовательница отмечает, что, сталкиваясь с абсурдными проблемами, сознание пытается найти выход из статус-кво и обнаруживает пустоту и бессмысленность происходящего; что касается нонсенса, то она не обостряет конфликт между порядком и хаосом, напротив, он обнаруживает в этом бесконечную игру со смыслом [2, с. 60]. Мы же склонны считать, что абсурд можно рассматривать как «контрсмысл», противостоящий единому здравому смыслу и выдвигающий концепцию активной невозможности существования последнего. Что же касается нонсенса, то это смысл метафизического уровня — такой смысл, который выходит за пределы обычного смысла и создаёт новые смыслы. Таким образом, все эти категории представляют собой самостоятельные категории человеческого мышления, являющегося проявлением когнитивной функции человеческого сознания.

Н. Лейтес сделала наблюдение, что нонсенс порождается несогласованностью начал, которые требуют, чтобы их нормальное существование было полностью последовательным. Природа этой последовательности может быть различной, а не только причинно-следственной, и ее разрушение может иметь различные формы и характеристики [3]. Иначе говоря, нонсенс в равной степени сила

отрицания и утверждения. *Отрицая* реальный мир и *утверждая* свой мир, нонсенс *возрождает* первозданный мир [4, с. 17].

Утверждение принципа жизнотворчества в качестве базовой основы логоцентрической модели синтетической языковой личности (далее — СЯЛ) привело к формированию когнитивно-прагматической программы (КПП) для моделирования СЯЛ [5, с. 150]. Структура логоцентрической модели СЯЛ формируется на основе когнитивного взаимодействия двух субъектов: субъекта-источника и субъекта-интерпретатора [там же, с. 187].

Одним из конкретных источников темы для этой модели является тема субъекта-логоцентрика. Этот тип конструкции основан на фундаментальной универсальной идее о материальной и духовной природе структуры и организации мира и глубоко укоренился в человеческом сознании. Логоцентрический тип определяет основные типологические характеристики субъективного восприятия следующим образом: когнитивное сознание логоцентрика работает по принципам модели жесткого дуализма (прежде всего противопоставлению Добра и Зла) и является векторным по своей природе (от Сущего к Должному); векторная природа когнитивного сознания логоцентрика приводит к абсолютизации двух основных принципов фундаментальной основы построения в пространстве существующей системы знаний; субъект-источник логоцентрического типа осознает, что он сам по себе динамичен. В этом контексте жизненная сила означает, значительную, фундаментальную осознанность, и часто человек должен сосредоточиться на центральной теме духовного воспитания, развития и «очищения» души [6, с. 299–304].

Рассмотрим, как данные особенности проявляются в литературном нонсенсе. Суть нонсенса — в разрушении канона, в преодолении автоматизма мышления и поведения. Д. Коллонезе отмечает, что в любом «нонсенсном» произведении пишется о нереальных явлениях, но эти явления всегда связаны с обычной реальностью [7, с. 260].

Основное содержание нонсенса заключается в том, что в нём идеальный мир является *осмысленным* (и в то же время гармоничным, то есть Должным) и противостоит миру обычному, который является *бессмысленным* (и в то же время хаотичным, то есть Сущим). Отметим, что обретение *Должного* должно быть реализовано именно в пространстве *Сущего* (в реальности). Когнитивно-прагматические программы основаны на когнитивных намерени-

ях личности и направлены на поиск, освоение и переработку контента, формируемого в культурном пространстве и получившего статус «идеальной», универсальной КПП. Следует отметить, что в сознании логоцентрика цель, которую он выбрал на первом этапе моделирования КПП, рассматривается как нерушимый и непоколебимый когнитивный принцип целеполагания. Абсолютизация принципа когнитивного целеполагания представляет собой вектор, и его направление определяется спецификой моделирования КПП. Однако часто в процессе построения КПП (в динамике развития когнитивного сознания субъекта-источника) логоцентрик «внезапно» начинает осознавать, что целеполагающая когнитивно-прагматическая система идеологических установок отличается от исходной. Другими словами, цель, выбранная логоцентриком, может быть нестабильна на любом этапе моделирования КПП и становится множеством «умозрительных копий» реальной цели. В сознании логоцентрика образуется некий «когнитивный блок», заставляющий снова и снова возвращаться к разрешению противоречий. В тот момент, когда формируется «когнитивный блок», когнитивное движение к цели прекращается, потому что сама цель теряет стабильность и распадается на бесконечные копии [6, с. 307]. Только после преодоления «когнитивного блока» возможно дальнейшее движение. Нестабильность целенаправленного когнитивного прагматизма и возникновение «когнитивных блоков» отчетливо проявляются в литературном нонсене. Дело в том, что на определенном этапе развития когнитивного сознания развития субъекта-источника и КПП логоцентрик учитывает качественные характеристики выбранной цели и определяет и представляет систему наиболее эффективного (по его мнению) метода посредством когнитивного анализа. В литературном нонсене к такой системе относится категория безумия. По замечанию В. Новикова, в нонсене безумию стандарта противопоставляется безумие хаоса [8, с. 213]. Таковы, например, произведения Э. Лира, где можно наблюдать безумного героя в здравомыслящем обществе, которое на самом деле не менее безумно, так что этот герой выступает как единственный мудрец. Когнитивным блоком в данном случае становится невозможность преодоления конфликта между героем и обществом — это противостояние, по сути, становится вечным, тем самым приближаясь к абсурду (контрсмыслу). Здесь следует отметить еще один момент: безумие в нонсене условно, и это тоже элемент игры. В данном случае игра также является организационным элементом, поскольку

требует соблюдения определенных правил. Другими словами, безумие в литературном нонсенсе — это одна из форм игры, и эта игра может продолжаться бесконечно.

Однако возможен и другой вариант КПП — когда литературный нонсенс направлен на состояние мира в целом и показывает общество, где все безумны изначально. Бинаризма «Добро — Зло» здесь не существует, потому что сам автор не может определить основные принципы этих категорий. Таковы, например, басни Козьмы Пруtkова, которые показывают безумие окружающего мира, где жизнь подчинена строгим, но нелепым законам. Басни Козьмы Пруtkова обычно связывают с таким жанром, как пародия. Однако обратим внимание: произведения данного автора читаются с не меньшим интересом и без учета того, что это пародии. В. Новиков отмечает, что эти басни вызывают нелепы, хотя не пародируют никого из баснописцев. Их суть — в разрушении канона, где самый строгий жанр трансформируется в поэзию нонсенса [9, с. 199]. Авторы как бы подводят к мысли: либо все люди без исключения безумны, либо безумна окружающая их реальность, и странная реакция на неё всех людей, в сущности, адекватна. Следует, однако, заметить, что для нонсенса характерно не столько безумие, сколько «иноумие», то есть управляемое безумие.

Таким образом, для открытия новых смыслов необходимо управляемое безумие — «временное» безумие, которое позволяет автору вернуться в окружающую реальность после «игры». Однако необходимо учитывать, что последствия безумия могут быть самыми негативными. Сумасшествие порождает либо смерть, либо тотальное одиночество, либо абсолютное сумасшествие [10, с. 133].

В литературном нонсенсе сознание логоцентричного субъекта подвергается ярко выраженной дестабилизации из-за появления когнитивных блоков в этом сознании. Суть этого явления заключается в том, что субъект-логоцентрист не способен подавить стремление к собственной неупорядоченности. В то же время субъект-логоцентрист не может окончательно преодолеть это стремление, поскольку эта сила сознания не менее важна, чем противоположное ей стремление к упорядоченности. В литературном нонсенсе можно выделить два примера разупорядочивания реальности: участие сил, создающих беспорядок, в непрерывной игре без конца и разупорядочивание субъективного сознания и объективной реальности. Но преобразование мира путем погружения его в полный хаос

несостоятельно, так как последствия могут быть самыми негативными.

Данное явление можно наблюдать в поэме Л. Кэрролла «Охота на Снарка». «Охота на Снарка» — это экзистенциальная поэма о бытии, стремящемся к небытию. Содержание поэмы таково: некие герои, чьи имена начинаются на букву «Б» (осколки бытия) — Bellman (Балабон), Butcher (Браконьер), Broker (Барахольщик), Bonnet maker (Болванщик), Boots (Билетёр), Barrister (Барабанщик), Beaver (Бобёр), Billiard-Marker (Бильярдный маэстро), Banker (Банкир) и Baker (Булочник), — отправляются на ковчеге за океан ловить Снарка. Однако о Снарке неизвестно ничего, Снарк непредставим и неизобразим, но одну важную деталь мы про него всё же узнаём: Снарк может оказаться Буджумом.

Но и про Буджума неизвестно ничего, кроме того, что встреча с ним станет фатальной. Таким образом, герои устремляются неизвестно за чем и неизвестно куда. Обратим внимание, что ковчег «снарколовов» напоминает знаменитый «Корабль дураков», выражающий идею мореплавания, не имеющую никакой иной цели, кроме самого плавания [11, с. 259].

Интересные мысли о поэме высказывает М. Можейко, предложивший рассматривать поэму как критику классической метафизики в целом, что связано с неискоренимой двойственностью Снарка-Буджума и невозможностью заранее предсказать, какой именно из двух ипостасей обернётся это существо: либо той (Снарк), в которой раскрывается онтологическая перспектива как бытия, фундаментированного бытом, а преследуемая цель открывается субъекту; либо той (Буджум), в которой для самого субъекта не находится места [12].

Снарк и Буджум представляют собой две возможные версии разворачивания процессуальности бытия: либо спасение, либо гибель, причем одна из форм бытия должна неизбежно поглотить другую. Однако, столкнувшись, эти две модели бытия уничтожают друг друга. Таким образом, мы видим, что в пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит потеря и распад когнитивного центра.

В нонсене основной является антитеза идеального мира как *имеющего смысл* (и одновременно гармонического) и обыденного как *бессмысленного* (и одновременно хаотического) [13, с. 392]. Однако если субъект-логоцентрик стремится столкнуть смысл и бессмыслицу, то тем самым он нарушает симметрию — смысл погло-

щается бессмыслицей. В результате в сознании логоцентрика возникает «когнитивный блок». Здесь можно возразить английскому антропологу и философу Грэму Сент-Джону, полагающему, что нонсенс, в отличие от гротеска, не использует приемы искажений или столкновений для того, чтобы обличить худшие стороны действительности [14, с. 15].

Нонсенс можно определить как сознательное творчество, вписанное в иррациональную среду, обладающую своими законами и правилами [4, с. 150]. Однако в литературном нонсенсе может случиться такое явление, когда иррациональная среда начинает поглощать сознательное творчество, — такой процесс, например, можно наблюдать в творчестве Н. В. Гоголя. В художественном мире Гоголя присутствует неизменная бинарность: ремесло — искусство, материя — дух, земля — небо, внешний мир — внутренний мир. Ф. Федоров указывает, что нонсенс, как и символизм, заключается в том, чтобы преодолеть реальность этого мира и уйти из бытия в небытие. Но, в отличие от символизма культуры инобытийной, которая в какой-то степени отвергает контакт с реальностью, нонсенс не отвергает реальность, а превращает ее в игру [15, с. 23].

Заметим, что подобное преобразование может происходить по-разному. Литература нонсенса выявила следующие соотношения реального и ирреального: когда присутствие ирреального автором не осознаётся; когда, осознавая реальность, автор одновременно ощущает и присутствие ирреального; когда автор, не осознавая реальности, полностью находится в реальном мире [16]. Лучше всего находиться целиком в первом или третьем состоянии; второе же состояние опасно тем, что автор может потерять представление о том, где проходит граница между реальным и ирреальным, вследствие чего реальное и ирреальное могут столкнуться и взаимоуничтожиться (заметим, что Гоголь выбрал именно второе состояние).

И. Ширяева справедливо отмечает, что литература нонсенса сочетает в себе хаос и порядок, а также то, что нельзя использовать в одном и том же контексте или ситуации. Нонсенс берёт за основу те представления, которые бытуют в любом обществе, опирается на их рациональное зерно и превращает его в элемент своей интеллектуальной игры, выворачивает наизнанку, показывает глубокое противоречие между общепризнанным восприятием определенных вещей и бесконечным пространством иносмысла [14, с. 23].

Однако следует заметить, что создание иносмыслов в данном случае полностью контролируется сознанием субъекта-логоцентрика. Это ключ к разгадке «охоты на Снарка»: у нее не должно быть конца; достижение цели означает остановку (и возникновение «когнитивного блока»). Но «охота на Снарка» не должна длиться слишком долго, поскольку в этом случае понятие цели начинает дробиться и рассеиваться, так что «охота на Снарка» может стать охотой на самого «охотника»: моделируя пространство иносмыслов, субъект-логоцентрик неизбежно придёт к выводу о том, насколько он правомочен создавать подобное пространство. В итоге субъект-логоцентрик неизбежно придёт к потере когнитивного центра и дезинтеграции в когнитивном пространстве сознания. Результатом разрушительного процесса нейтрализации «когнитивного блока» является глубокая депрессия, глубокий психический кризис, и, как следствие, смерть субъекта-источника (духовная или физическая) [6, с. 316].

Результаты исследования. Литературный нонсенс способствует формированию когнитивно-прагматических программ в сознании субъекта-логоцентрика. Такими программами становятся иносмыслы, порождаемые последним. В качестве метода когнитивного анализа поставленной цели субъект-логоцентрик выбирает категорию безумия. Однако вследствие того, что субъект-логоцентрик не в состоянии преодолеть собственное стремление к неупорядоченности, сознание его дестабилизируется по причине возникновения в последнем «когнитивного блока».

Данное явление возникает по причине того, что субъект-логоцентрик стремится столкнуть смысл и бессмыслицу, в результате чего иррациональная среда может поглотить сознательное творчество. Поэтому игра в нонсенс не должна заканчиваться, но и не должна продолжаться слишком долго — бесконечное создание иносмыслов также неизбежно приведет к возникновению «когнитивного блока». В результате в пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит потеря и распад когнитивного центра.

Заключение. Литературный нонсенс является иносмыслом, то есть смыслом, выходящим за пределы обычного смысла, что возможно при погружении субъектом-логоцентриком в стихию безумия. Однако для открытия новых смыслов необходимо управляемое безумие — «временное» безумие, которое позволяет автору вернуться в окружающую реальность после «игры».

Данное исследование является лишь первоначальным этапом решения общей метадисциплинарной проблемы когнитивного анализа творческой личности в контексте моделирования и трансформации базовых подсистем (цели, самоидентификации, оценочного анализа) когнитивно-прагматических программ. Исходя из этого определим перспективные направления для дальнейших исследований. К ним относятся: а) изучение психокогнитивных процессов деструктивного сознания творческой личности; б) изучение психокогнитивных процессов перекодировки и преодоления ложных установок субъекта-логоцентрика в процессе перехода от одного цикла моделирования КПП к другому.

Список источников

1. Tigges W. *An Anatomy of Literary Nonsense*. Amsterdam: Rodopi, 1988. 293 p.
2. Ширяева И. Н. Литературный нонсенс и смежные понятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 3-х ч. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 59–62.
3. Лейтес Н. Нонсенс и литература. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_7_134?ysclid=m043oa36me262498930 (дата обращения: 05.10.2024).
4. Иткулов С. З. Нонсенс и гротеск как формы смысла в художественной картине мира Н. В. Гоголя : дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2009. 166 с.
5. Иванов Д. И. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности в пространстве русской рок-культуры. Иваново: Талка, 2015. 524 с.
6. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Теория субъектности текста и русская поэзия XX века. Иваново: ПресСто, 2017. 336 с.
7. Коллоннезе Д. Нонсенс как форма комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Российская акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. 726 с.
8. Новиков В.И. Книга о пародии. М.: Сов. писатель, 1989. 540 с.
9. Новиков В. И. Кто такой Козьма Прутков? // Октябрь. 1984. № 3. С. 196–201.
10. Иванов Д. И. Поэзия Башлачёва: синтез классики андеграунда и элементов постмодернизма // Потаённая литература : исследования и материалы. М.: Флинта, 2006. Вып. 5. 208 с.
11. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: PEEL-BOOK, 1994. 608 с.
12. Можейко М. А. Охота на Снарка. URL: https://www.socionic.ru/index.php/o/7263-ohota_na_snarka?format=pdf (дата обращения: 05.10.2024).
13. Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 784 с.

14. Ширяева И. Н. Литературный нонсенс в русской прозе и поэзии второй половины XX — начала XXI в. : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2017. 190 с.

15. Федоров Ф. Нонсенс и нет ему конца // *Komparativistikas almanahs* Nr. 5 (34). *Nonsensa kultūra. Absurds literatūr. Daugavpils: Daugavpils Universit, tes Akadēmiskais apg,ds iSaule*, 2014, 224 lpp. Pp. 15–25.

16. С. Курий. Глупости Чарлза Лютвиджа Доджсона (два сна и одна охота). URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/kurij-gluposti-charlza-lyutvidzha.html> (дата обращения: 05.10.2024).

References

1. Tiggess W. *An Anatomy of Literary Nonsense*. Amsterdam: Rodopi, 1988. 293 p.

2. Shiryayeva I. N. Literary nonsense and related concepts. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki : v 3 t.* [Philological sciences. Questions of theory and practice : in 3 parts.]. Tambov: Gramota Press, 2016. No 10 (64) Part 3. Pp. 59–62. (In Russ.)

3. Lejtes N. *Nonsens i literatura* [Nonsense and literature]. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_7_134?ysclid=m0430a36me262498930 (accessed: 05.10.2024).

4. Itkulov S. Z. *Nonsens i grotesk kak formy smysla v hudozhestvennoj kartine mira N. V. Gogolya : diss. ... kandidata kul'turologii* [Nonsense and grotesque as forms of meaning in the artistic picture of the world by N. V. Gogol : diss. ... candidate of Cultural Studies]. Shuya: [s.n.], 2009. 166 p. (In Russ.)

5. Ivanov D. I. *Logocentricheskaya model' sinteticheskoy yazykovoy lichnosti v prostranstve rusckoj rok-kul'tury* [A logocentric model of a synthetic linguistic personality in the space of Russian rock culture]. Ivanovo: Talka Press, 2015. 524 p. (In Russ.)

6. Ivanov D. I., Lakerbaj D. L. *Teoriya sub"ektnosti teksta i russkaya poeziya HKH veka* [The theory of the subjectivity of the text and Russian poetry of the twentieth century]. Ivanovo: PresSto Press, 2017. 336 p. (In Russ.)

7. Kollonneze D. Nonsense as a form of comedy. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of the language. The linguistic mechanisms of comedy]. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics; ed. by N. D. Arutyunova. Moscow: Indrik, 2007. 726 p. (In Russ.)

8. Novikov V. I. *Kniga o parodii* [The book of parody]. Moscow: Soviet writer, 1989. 540 p. (In Russ.)

9. Novikov V. I. Who is Kozma Prutkov? *Oktyabr'* [October]. 1984. No 3. Pp. 196–201. (In Russ.)

10. Ivanov D. I. Bashlachev's poetry: synthesis of underground classics and elements of postmodernism. *Potayonnaya literatura: issledovaniya i materialy* [Hidden Literature: research and materials]. Moscow: Flint, 2006. Issue 5. 208 p. (In Russ.)

11. Kerlot H. E. *Slovar' simvolov* [A dictionary of symbols]. Moscow: PEEL-BOOK Press, 1994. 608 p. (In Russ.)
12. Mozhejko M. A. *Ohota na Snarka* [The Hunting of the Snark]. Available at: https://www.socionic.ru/index.php/o/7263-ohota_na_snarka?format=pdf (accessed: 05.10.2024). (In Russ.)
13. Minc Z. G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. St. Petersburg: Iskustvo-St. Petersburg Press, 2000. 784 p. (In Russ.)
14. Shiryayeva I. N. *Literaturnyj nonsens v russkoj proze i poezii vtoroj poloviny XX — nachala XXI vekov : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [Literary nonsense in Russian prose and poetry of the second half of the XX — beginning of the XXI centuries: diss. ... candidate of Philological Sciences: 10.01.01]. Moscow: [s.n.], 2017. 190 p. (In Russ.)
15. Fedorov F. Nonsense and there is no end to it. *Komparativistika's almanahs Nonsense Culture. The Absurd in Literature*. Daugavpils: Daugavpils University Academic Press iSaule, 2014. No 5 (34). Pp. 15–25. (In Russ.)
16. Kurij S. *Gluposti Charlza Lyutvidzha Dodzhsona (dva sna i odna ohota)* [The Follies of Charles Lutwidge Dodgson (two dreams and one hunt)]. Available at: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/kurij-gluposti-charlza-lyutvidzha.html> (accessed: 05.10.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе

Иткулов Сергей Зуфарович, кандидат культурологии, доцент кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский агrobiотехнологический университет (153012, Россия, Иваново, ул. Советская, 45)

Information about the author

Itkulov Sergey Z., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Verkhnevolzhsk State University of Agronomy and Biothechnlogy (45, Sovetskaya str., Ivanovo, 153012, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	11.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	14.01. 2025
Принята к публикации / Accepted for publication	18.02.2025